

Возвращаясь домой в тот вечер, я был более чем когда-либо полон решимости помочь Марии. В течение следующих нескольких месяцев я приезжал один или два раза в неделю. Также я разговаривал со своими родными. Папа предупреждал меня, чтобы я не слишком вмешивался, но в моем понимании этого не было. Он никогда не встречал Сабрину.

В канун Рождества я появился в доме Куперов с руками, полными подарков. Большинство, конечно, было для Сабрины, но также я принес несколько для Анджелы и Марии. Когда я уходил тем вечером, Анджела снова поцеловала меня в щеку и поблагодарила за лучшее Рождество, что у них когда-либо было. Говоря о хорошем самочувствии, я почти забыл о Шери, но конечно не полностью. Время от времени я задавался вопросом, как у нее дела?

Рождество я провел со своими родителями. Мне уже доставили рождественский подарок для них; новый цветной телевизор Zenit. Это был первый цветной телевизор, что когда-либо был у них. Я был так горд, что смог купить его для них. Черт, после развода мне больше не на что было тратить деньги.

Всю зиму я еженедельно навещал семью Куперов. К весне я почти чувствовал себя частью семьи, хотя Сабрина все еще настаивала на том, чтобы называть меня мистером МакГенри.

У Марии были хорошие и плохие дни. Иногда она садилась со мной и Анжелой и даже время от времени присоединялась к разговору. Однако всегда держалась от меня на расстоянии. В других случаях она больше не выходила из своей комнаты, хотя таких дней становилось все меньше и меньше.

Я несколько раз возвращался в библиотеку, хотя все книги и психологические теории, о которых я читал, на самом деле не казались мне так уж полезными. Единственное, от чего я решил отказаться, — это терпение. В каждой книге говорилось о том, чтобы быть терпеливым и не пытаться что-либо форсировать, но после нескольких месяцев очень небольшого прогресса терпение становилось проблемой. Если бы я мог просто заставить ее доверять мне, то, возможно, смог бы постепенно познакомить ее с парой друзей.

В некоторых из прочитанных мною книг рассказывалось о том, как заново пережить комфортные времена из детства пациента. Я спросил Анжелу, есть ли что-нибудь, что, по ее мнению, могло соответствовать этому. Она рассказала мне, что в молодости брала с собой Марию на пикники. Она сказала, что они не могут позволить себе выйти поесть в ресторане, но она готовила бутерброды на воскресный обед, а потом они шли в парк, расстилали одеяло и ели под деревьями. Она сказала, что Марии это очень нравилось. К сожалению, с тех пор район сильно изменился, и этот парк больше не был таким красивым местом.

Я знал идеальное место; красивый небольшой парк вдоль реки Канкаки. Ежегодно в газете выходило четыре раздела о женской моде в качестве воскресного приложения, и иногда мы снимали их в парке. Нас никто никогда не беспокоил, в будний день там почти никого не было. Теперь проблема заключалась в том, как доставить туда Марию.

Одна из вещей, о которой соглашались все эти книги, — это ни к чему не принуждать.

Первоначально я думал, что Сабрина будет так захвачена идеей, что убедит свою маму пойти с нами, но после дальнейшего размышления я уже не думал, что это хорошая идея. Если она не сможет заставить свою маму выйти, у нее может появиться некоторая неприязнь к ней, а это последнее, чего я когда-либо хотел. Нет, мне как-то нужно было самому убедить ее, а ни в

одной из этих книг не было ничего, что могло бы дать подсказку, как это сделать.

Мой папа был умным человеком. Я говорил с ним о различных проблемах в моей жизни, и он всегда давал хорошие советы, поэтому однажды в воскресенье после обеда я сел с ним.

— Сынок, я согласен, я бы не стал использовать маленькую девочку. Я думаю, это было бы худшим, что ты мог бы сделать. Эта Мария знает, что ты пытаешься ей помочь?

— Эээ, нет. На самом деле, нет. Я никогда ничего ей не говорил, и почти уверен, что Анджела, ее мать, тоже никогда ничего не говорила.

— Хорошо. Проблема в том, что ты, я, большинство людей, по крайней мере, пытаешься мыслить рационально. Ее страх перед мужчинами иррациональный. Я не говорю, что это необъяснимо, со всем тем, через что она прошла, но все равно это не рационально. Мой опыт говорит, что ты просто не можешь убедить иррационального человека, но если сможешь завоевать его доверие и уверенность, то сможешь иногда уговорить его

Я на самом деле не понял его слов. Он понял это по выражению моего лица.

— Во-первых, как ты собираешься завоевать ее доверие, если для начала не попросишь об этом? Я думаю, ты, вероятно, заложил основу, так часто посещая ее. Может быть, теперь пора с ней поговорить? Скажи ей, что ты хотел бы ей помочь и попрос ее доверия. Скажи, что хочешь помочь ей преодолеть страх перед мужчинами, чтобы она могла общаться со своей матерью и дочерью на публике. Если она примет твою помощь, тебе понадобится быть осторожным, чтобы не идти слишком быстро. Делай маленькие шаги.

Похоже, мой отец знал больше, чем все книги в библиотеке. Вернувшись домой, я обдумал его слова. Однако легче было сказать, чем сделать. Я понятия не имел, как к ней подойти, и решил сделать это как папа — напрямик.

В следующий раз, когда я заканчивал, Мария вышла из своей комнаты и сидела напротив меня за кухонным столом. Она всегда сидела на одном и том же месте. Оно было ближе всего к ее комнате, если она вдруг почувствует необходимость отступить.

Я увидел панику в ее глазах, когда попросил Анжелу оставить нас одних на несколько минут.

— Пожалуйста, Мария, не бойся. Я знаю, что ты боишься мужчин, и в том, что тебе пришлось пережить, я тебя не виню, но я никогда не причиню тебе вреда.

— Эээ, — нервно пробормотала она. — Я... я все еще думаю, что мама должна быть здесь. — Она выглядела так, будто собиралась сбежать.

— Мария, я хочу помочь тебе, пожалуйста, позволь мне попробовать. Я обещаю, что никогда не сделаю ничего, чтобы причинить тебе боль. Я никогда не заставлю тебя делать то, чего ты не хочешь делать, но у тебя самая милая, самая красивая маленькая девочка. в мире, кому ты нужна. Ты нужна ей сейчас, и она будет нуждаться в тебе еще больше, когда вырастет. Все что я хочу сделать — это помочь тебе преодолеть свой страх. Пожалуйста, работай со мной. Давай сделаем это вместе.

Ну, по крайней мере, она все еще сидела на своем месте. Но страх все еще был в ней. Она была тихой и просто смотрела на стол.

— Я... я боюсь, — наконец, сказала она. — Как ты собираешься это исправить, чтобы я больше не боялась?

— На самом деле я не знаю, Мария, но знаю, что в этом мире много великих людей и примерно половина из них — мужчины. Я подумал, что, может быть, мы могли бы начать с того, что просто избавим тебя от страха передо мной?

Она подняла голову и, наконец, посмотрела на меня.

— Тобой... тобой л... ладно, я думаю. Я знаю, что ты очень нравишься маме и Сабрине. — И снова это была маленькая и очень нервная улыбка, но все же улыбка.

Я был благодарен за любое чудо, которое мог совершить, каким бы маленьким оно ни было, и ответил на ее улыбку еще большей своей собственной. Мой отец сказал: «будь с ней откровенным». Именно это я и собирался сделать.

— Я никогда никому об этом раньше не говорил, но встреча с вами троими изменила мою жизнь. Пару лет назад я обнаружил, что моя жена изменяет мне. Развод был разрушительным. Я впал в такую депрессию, что едва мог функционировать. Дома я только спал, даже не раз возникали мысли о самоубийстве. Для меня все изменилось в тот день, в торговом центре. Теперь, когда я просыпаюсь, то с нетерпением жду этого дня. Я даже могу снова смеяться. Ты, твои мать и дочь показали мне, что в жизни так много всего, чем можно наслаждаться. Я бы хотел вернуть услугу, если ты мне позволишь.

Она выглядела пораженной, что кто-то поделится с ней чем-то таким личным. На этот раз улыбка была почти незаметной, но она была.

— Я... я не знаю, почему я боюсь тебя. Я... я действительно не думаю, что ты собираешься причинить мне боль. Я просто ничего не могу с этим поделать. Я знаю, что это глупо. — Это не глупо, Мария. Некоторые люди боятся пауков, некоторые боятся темноты. Все чего-то боятся. Страх вполне реален. Это совсем не глупо. Раньше я боялся завтрашнего дня.

— Почему ты боялся завтрашнего дня? — Ее речь стала звучать более уверенно. Она не была такой робкой, как раньше.

— Потому что знал, что завтра будет как сегодня и вчера, одиночество... одиночество и пустота, — ответил я. — Когда мы расстались, Шери мало что унесла с собой. Мы были женаты всего пару лет, так что у нас было не так уж много вещей. То, что она унесла, заставило меня почувствовать, что жизнь больше не имеет смысла.

— Что... что это было, что она унесла?

— Мою самооценку, — признался я. — Я думал, что потерял ее навсегда, но я нашел ее снова, когда испуганная маленькая девочка попросила меня защитить ее. — Не знаю, что я сказал такого, но что бы это ни было, казалось, что лед между нами сломался. Нервная улыбка Марии внезапно расплылась по всему ее лицу.

— Ты — хороший человек, — уверенно сказала она. — Я знаю, что могу доверять тебе, но это может занять некоторое время.

— Все в порядке, Мария. Я никуда не уйду, и не буду заставлять тебя делать то, что тебе не нравится. Когда ты будешь готова, я бы хотел пойти на пикник. — Я сразу увидел, как она напряглась. — Когда будешь готова, — повторил я. — Я знаю небольшой красивый парк недалеко отсюда. Он прямо у реки. Мы могли бы расстелить одеяло под деревом и слушать, как шумит вода, пока мы едим.

— Звучит хорошо, — сказала она. — Когда я была маленькой, мы с мамой ходили на пикники.

— Я знаю, — она мне рассказывала. Итак, вот что я хочу, чтобы ты сделала сегодня вечером, когда ляжешь спать. Я хочу, чтобы ты думала о пикнике. Представь себя там. Сосредоточься на том, что твоя мать находится по одну сторону от тебя, а Сабрина — по другую... Небо такое же голубое, как твои глаза, и легкий, теплый ветерок шелестит листвой на деревьях. Ты можете слышать течение реки. Ты в безопасности, не беспокоясь обо всем мире.

Все время, пока я описывал эту сцену, у нее были закрыты глаза, а когда я закончил, она

снова открыла их с другой улыбкой.

— Звучит хорошо, — сказала она.

Возвращаясь домой той ночью, я думал, что добился прогресса, но оказалось, что все труднее, чем я думал. Как бы Мария ни хотела пойти на тот пикник, ее страх просто не позволял этого.

Опять же, я объяснил ситуацию своим родителям, когда мой отец выступил с предложением: — Дилан, эта девушка, кажется, доверяет тебе, она просто еще не уверена в том, что может быть знакома с другими. Почему бы не привести их всех сюда на воскресный обед. Поскольку она доверяет тебе, знание того, что я — твой отец, полагаю, заставит ее доверять мне уже наполовину. Тогда она увидит, что есть уже двое мужчин, которым она может доверять.

— О, милый, это отличная идея, — добавила моя мама. — Я так много слышала о твоих друзьях, мне бы очень хотелось с ними встретиться.

Я подумал об этом, а затем позвонил, чтобы сначала пропустить эту идею сквозь Анджелу. Она больше беспокоилась о том, чтобы не навредить моим маме и папе, но полагала, что это может помочь. Она сказала мне, что Мария все время говорит обо мне и действительно пытается преодолеть свой страх.

Пару ночей спустя, я зашел к ним после работы. Первые полчаса, конечно, доминировала Сабрина, но потом пошла играть. Мария, Анджела и я сидели и разговаривали. Я был очень удивлен, когда упомянув, что собираюсь к родным, почти не встретил того сопротивления, что ожидал. Мария нервничала, но была настроена.

В то воскресенье, когда я подъехал, чтобы забрать их, подбежала Сабрина и почти оседлала меня.

— Мама идет с нами! — закричала она. — Спасибо, спасибо, что мама идет с нами, — снова чуть не закричала она.

Я никогда не видел ее такой счастливой. Я посмотрел на Марию, улыбка которой простиралась от одного уха до другого. У Анджелы была почти такая же большая. Все были одеты так, словно это была Пасха. Мария выглядела просто великолепно. Я и не подумал сказать им, чтобы они оделись в повседневную одежду. Ну, что ж, я просто надеялся, что мой отец не встретит нас у двери в своих боксерах.

Мой отец может быть немного устрашающим. Его рост — метр семьдесят восемь, а вес — сто девять килограмм. Я заметил, что Мария как бы спряталась за мной, когда впервые увидела его.

Сабрина, с другой стороны, не проявила страха, когда подошла к нему и протянула руку.

— Как поживаете, сэр? Спасибо, что пригласили нас, — заявила она в своем драгоценном и не по годам развитом, очень выросшем альтер-эго.

Я мог сказать, что папа сразу зацепился за это. Он широко улыбнулся и немедленно наклонился, чтобы пожать ей руку.

— Добро пожаловать, юная леди. Спасибо, что приняли наше предложение, и добро пожаловать в наш дом. — Ей потребовалось столько же времени, чтобы захватить его сердце, как и мое.

Марии потребовалось почти двадцать минут, чтобы выйти из моей тени, но в конце концов, ей стало удобнее. Она помогала моей маме на кухне, а потом опять с посудой после ужина, в то время как папа вместе с Сабриной строил бумажные самолетики. Она была очарована его мастерством владения листом бумаги и ножницами. К концу нашего четырехчасового

пребывания казалось, что мы все знаем друг друга всю жизнь.

На обратном пути Мария задумчиво наблюдала в боковое окно, как проплывает мир. Это был первый раз за год, когда она вышла из своего дома. Когда я подъехал к их подъезду, Анджела попросила меня остаться и выпить чашечку кофе. Пока варился кофе, я помог Сабрине расставить двадцать разных крылатых канцелярских принадлежностей в ее комнате, затем присоединился к матери и дочери на кухне. Они обе горячо поблагодарили меня за прекрасный визит и попросили еще раз передать их благодарность моим родителям. Когда пришло время уходить, Мария проводила меня до двери. Сабрина подошла и обняла меня на прощание. К моему шоку, Мария чмокнула меня в щеку и прошептала на ухо.

— Я готова... к пикнику.

Это был первый мой физический контакт с Марией. Это было так мило, что я не мог перестать улыбаться по дороге домой.

На следующей неделе я был в ночную смену, поэтому мне не приходилось работать до полчетвертого. Я только что закончил завтракать, когда услышал стук в дверь. Это было очень необычно. Днем у меня не было компании. Когда я открыл дверь, мой разум превратился в кашу. Она была такой же великолепной, как я помнил.

— Привет, Дилан.

На несколько минут я забыл, почему мы расстались, и мое сердце забилось сильнее, как в средней школе. Моей первой эмоцией была чистая радость. Боже, как было приятно ее увидеть.

— Привет, Шери, заходи, — сказал я, отойдя в сторону, чтобы дать ей пройти. — Кофе не слишком старый, не хочешь ли чашку?

— Я бы хотела, спасибо, — сказала она с той улыбкой, что могла бы осветить угольную шахту в полночь.

Она последовала за мной на кухню и автоматически села за стол, за которым мы так часто обедали. Я налил нам обоим по чашке джавы и поставил одну перед ней. Эйфория от встречи с ней снова начинала утихать, и ее место занимало чувство печали с уколом от оставшегося гнева. Она внимательно наблюдала за мной и, должно быть, заметила изменение в моем лице, когда я, наконец, вспомнил, почему мы расстались, поэтому что она поморщилась, прежде чем заговорить:

— Дилан, последние месяц или два я думала о разных способах решения нашей проблемы. Я придумывала всевозможные коварные планы, но я знаю тебя. Я знаю, что ты ненавидишь, когда люди играют в игры. Ты восхищаешься теми, кто находятся впереди, и просто говорит, что у них на уме, так что, начнем...

— Во-первых, я хочу извиниться за то, через что заставила тебя пройти. Это никогда не должно было зайти так далеко, и причинение тебе боли было последним, о чем я думала. В то время это было захватывающим, но ты знаешь, что говорят о ретроспективе: оглядываясь назад, я вижу, что это была самая глупая вещь, которую я когда-либо делала... самая глупая и самая обидная. Я никогда никому не причиняла боли так, как причинила боль тебе, человеку, которого я люблю. — Второе, что я хочу сказать, и я знаю, что ты подумаешь, что у меня стальные яйца, но мне нужен еще один шанс. Я сильно повзрослела за последние два года, Дилан.

Что в ней было такого? Это было больше, чем просто ее красота. Черт возьми, у нас на работе

были две женщины-репортера, которые внешне могли соперничать с Шери, но у меня никогда не было романтических намерений ни к одной из них. Мне пришлось сесть, в то время как мое сердце кружилось.

Она пришла.

— Я устроилась на работу. Когда я переехала к своим родителям, папа сказал, что я должна зарабатывать себе на жизнь, поэтому я — официантка в ночную смену, а днем хожу на курсы, чтобы получить лицензию косметолога. Я работаю в салоне высокого класса. и зарабатываю неплохие деньги. Я все еще живу со своими родителями, так что смогла накопить почти пять тысяч долларов. Мы могли бы использовать их для первоначального взноса на дом.

— Я усвоила урок, Дилан. Лично я хотела бы просто опять пожениться. Я думаю, мы хорошо знаем друг друга, но, может быть, ты хочешь просто снова на некоторое время встретаться? Все что хочешь, Дилан, просто скажи, что дашь мне еще один шанс.

Я сидел ошеломленный. Я даже не мог говорить минуту или около того. Я все равно понятия не имел, что сказать. Мои внутренности взболтались, как миксером. Я бы отдал все, чтобы все вернулось на круги своя, но для этого мне понадобится машина времени.

Шери просто сидела, затаив дыхание.

— Я не знаю, Шери, просто не знаю. Мне нужно время, чтобы обдумать это. Мне очень жаль, я не хочу тебя отталкивать, но...

— Я понимаю, Дилан, — сказала она, когда мои слова оборвались. — Я знаю, что боль все еще существует, по крайней мере, отчасти. Когда я ложусь спать ночью, моя последняя мысль перед сном — это то, что я хотела бы иметь волшебную палочку, которой смогла бы махнуть и облегчить боль, которую я причинила тебе. Я знаю, что не могу этого сделать, но если ты мне позволишь, я постараюсь сделать все возможное, чтобы это исправить.

— Ты все еще видишься с ним, как его зовут?

— С Карлом? Нет, черт возьми. Я была серьезна, говоря в тот день, когда ты противостоял мне, что я не виделась и не разговаривала с ним, с тех пор как мы расстались. Я действительно пыталась однажды позвонить ему. У него есть номер нашего телефона, и хотя он никогда им не пользовался, я подумала, что он может попытаться дозвониться, когда перестанут приходить мои письма, а я не хотела, чтобы он случайно попал на тебя. Я знала, что звук его голоса навредит тебе еще больше. Мне не удалось поговорить с ним. Очевидно, он не был так уж важен для своей компании, как утверждал. Думаю, однажды он появился наполовину неся вздор, и его турнули с работы.

— Он звонил сюда, — сказал я ей.

— О, Дилан, мне так жаль.

— Это не твоя вина. Он позвонил, чтобы поговорить со мной. Он был слегка зол, потому что я рассказал его жене о твоём романе и отправил ей копии его писем. Он сказал, что она выгнала его. Вероятно, поэтому он и пил, — с улыбкой сказал я.

— Дилан, ты... ты хотя бы подумай об этом, пожалуйста, ладно?

Я успокаивающе улыбнулся ей и кивнул, но не собирался брать на себя никаких обязательств. Сказав то, что она должна была сказать, Шери сказала мне, что я могу позвонить ее родителям, и поинтересовалась, есть ли у меня еще их номер. Я подтвердил номер, который был в моей телефонной книге, чтобы убедиться, что они не изменили его, и вскоре она ушла. Это было так странно. Последние пару лет я жил один, но как только она вышла за дверь, я почувствовал себя одиноким.

Позже на неделе я позвонил своим родителям, чтобы узнать, не пригласят ли они меня на воскресный ужин. На звонок ответила мама.

— Ты собираешься привести с собой твоих друзей?

Черт, это напомнило мне, что я был так поглощен мыслями о Шери, что не заходил к Анджеле всю неделю.

— Нет, мама, на этот раз буду только я.

На следующий день я проверил свой рабочий график и зашел к Куперам, чтобы убедиться, что Мария все еще не против пикника. В следующий понедельник у меня был выходной. В воскресенье я был у своих родителей. После ужина я помогал маме с посудой, и мы все выпили кофе в гостиной, чтобы нам было удобнее.

— Попробуйте угадать, кто на днях появился у моей двери? — Прежде чем они успели порассуждать, я сам ответил на свой вопрос. — Шери.

Ни один из них не выглядел таким уж удивленным. Первым заговорил папа:

— Как она поживает?

— Довольно хорошо, она получила лицензию косметолога. Думаю, она хорошо зарабатывает. Она сказала, что накопила около пяти тысяч долларов на первоначальный взнос за дом.

— Что она собирается делать с домом?

— Она не говорит о том, чтобы жить там одна, мама. Она хочет второго шанса. Она хочет снова выйти замуж.

— И?

— Я не знаю, пап. Честно, не знаю. На днях я узнал, что у меня все еще есть чувства к ней, сильные чувства, но... я не знаю. Не думаю, что я когда-нибудь снова буду ей по-настоящему доверять. Я всегда буду ждать, когда упадет вторая туфля.

— А что насчет Марии? — спросила мама?

Я подумал, что мама уже пытается сменить тему, и меня это немного раздражало.

— Завтра мы идем на пикник, — сказал я.

— Я не это имела в виду, Дилан. Когда мы мыли посуду на прошлой неделе, она говорила только о тебе. Ты стал почти такой же важной частью ее жизни, как Сабрина и ее мать. Она влюблена в тебя. Ты — это причина, по которой она так старается преодолеть свой страх. Думаю, мама увидела на моем лице шок.

— Не говори мне, что ты понятия не имел.

— Нет... ну, ты знаешь... Я хожу туда несколько месяцев, и на прошлой неделе она впервые меня коснулась. Она говорила тебе, что любит меня?

— Нет, но это несложно понять. Она сказала, что приехав сюда, она впервые за почти год вышла из дома. Ты знаешь, страх никуда не делся. Она до смерти боялась твоего отца, но она тебе доверяет. Она боится идти на этот пикник, но не собирается позволить этому остановить ее. Она хочет добраться до того момента, когда ты пригласишь ее на свидание. Ты хочешь сказать, что никогда не замечал света в ее глазах, когда она смотрит на тебя?

— Думаю, я никогда особо не обращал внимания, мама.

Мой отец снова вступил в разговор:

— Ты испытываешь к ней чувства, сынок?

Пришлось подумать минуту.

— Я не... я не знаю, если честно. Думаю, я намеренно отверг мысль о каких-либо

романтических представлениях из-за ее состояния. Я имею в виду... Я никогда не думал, что в ее состоянии он может завязать романтические отношения с женщиной.

— Я упомянула об этом потому, что думаю, ты обнаружишь, что Мария очень влюблена в тебя и изо всех сил пытается преодолеть свои страхи. Как бы она ни была настроена, я вполне уверен, что она добьется успеха, поэтому я думаю, тебе следует иметь это в виду, прежде чем принимать какие-либо решения, — сказала мама.

— Великолепно! — — сказал я в шутку. — Я пришел сюда за помощью с моим решением насчет Шери, а вы, ребята, еще больше усложняете ситуацию.

Мой отец встал, чтобы налить себе еще кофе. Я тоже поднял свою чашку. Наливая, он одновременно давал мне еще несколько советов.

— Извини, сынок, жизнь иногда усложняется. Иногда твой мозг и твое сердце борются друг с другом. Когда такое случается, я советую действовать интуитивно.

В ту ночь я не выспался. Я не мог выключить свой мозг. У меня были чувства к Марии. Я знал это довольно давно. Также я думал об Анджеле как о своей второй матери, а о Сабрине как о дочери, о которой я мечтал. Полагаю, в глубине души я подавлял эти чувства.

Я очень хотел посмотреть, как пройдет пикник. Я сказал им, что позабочусь о еде. В городе открылось новое заведение, где подавали курицу. Я слышал, что у них есть особый рецепт, который был очень хорош. Оно называлось Кентакки Фрайд Чикен. Оно идеально подходило для пикников, потому что можно было купить картонное ведро, заполненное курицей, картошкой фри и бисквитами.

Я взял ведро по дороге к ним, и к тому времени, как они погрузились, вся машина пахла восхитительно. Конечно, один вдох, и все охали и ахали еще до того, как мы даже выехали с подъездной дорожки.

Как я выяснил, в понедельник днем в парке никого не бывало. Если не считать пары пешеходов, здесь было безлюдно. Сабрина выбрала красивое место на берегу реки с большим дубом для тени. Мы образовали круг вокруг расстеленного одеяла, и я разложил бумажные тарелки и бутылку вина, прежде чем мы все приступили к еде. Сабрина получила виноградный сок. После нескольких кусков все согласилось, что курица заслужила свою репутацию.

Я видел, что всем действительно нравится. Мы пробыли там около часа, когда Мария проскользнула мимо меня и прошептала мне на ухо, чтобы я обнял ее. «Еще один прорыв», — подумал я. До прошлой недели она почти впадала в панику при мысли, что мужчина прикоснется к ней.

Едва почувствовав мою руку, она наклонилась ко мне и положила голову мне на плечо. Сабрина играла с куклой, но как только увидела, что ее мать обнимает меня, тут же подошла и обняла нас обоих в трехстороннем объятии. У Анджелы была улыбка на все лицо.

Впервые я задался вопросом, есть ли шанс жить с Марией нормальной жизнью. Затем был еще вопрос о сексе. По тому, насколько она боялась физического присутствия мужчины, я бы подумал, что о сексе на самом деле не может быть и речи. Я не хотел думать о себе как о поверхностном человеке, но мне было чуть больше двадцати, и будь я проклят, если бы хотел прожить остаток своей жизни как монах.

В течение следующих нескольких дней я много думал не только о Марии, но и о Шери. Секс с ней был чистым раем. Когда я позвонил, ее не было дома. Ее мама сказала, что она ходит по

магазинам. Мы приятно поговорили, прежде чем я, наконец, попросил ее, чтобы Шери мне перезвонила. Мысль, которая возникла у меня, когда я повесил трубку, подсказала, что я принял правильное решение.

Шери перезвонила примерно через час. Ее голос звучал обнадеженным. Я сказал ей, что нам нужно сесть где-нибудь наедине и поговорить. Поскольку ее мать и папа не собирались выходить из дома, она направилась в квартиру. Когда она приехала, я заварил свежий кофе. Когда она вошла, то чмокнула меня в щеку, но ничего не сказала. Мы сели на противоположных концах кухонного стола, поставив перед собой кофе. Ну, сцена была моей, поэтому я глубоко вздохнул и начал:

— Шери, ты была моей первой любовью, и я могу засвидетельствовать то, что как говорится; я всегда буду любить тебя. Когда я узнал о твоей измене, то не знаю, что было сильнее: мой гнев или моя боль. Прошло немногим более двух лет, и большая часть гнева ушла, но большая часть боли все еще присутствует.

Я видел, как она пытается предвосхитить мои слова. Я должен был просто встать и сказать ей одно короткое предложение, но хотел убедиться, что она все поняла.

— Я много думал об этом, с тех пор как ты была здесь на днях. Я уже принял решение, когда звонил ранее, но разговор с твоей мамой окончательно убедил меня.

— Моей мамой? Что она сказала?

— Когда я спросил, были ли вы там, она сказала, что ты ходила по магазинам.

Она сделала то милое личико, которое всегда делала, когда чего-то не понимала.

— Действительно ходила, — сказала она. — Мне нужна была еще одна пара обуви для работы. Я весь день на ногах, поэтому обувь быстро изнашивается.

— Я уверен, что ходила, — подтвердил я, — но мне было интересно, не встречалась ли ты с мужчиной.

Она покачала головой и широко открыла глаза.

— Я не встречалась, Дилан, честно. Я была в магазине.

— И у меня есть все основания верить тебе, Шери, но я все же задавался вопросом.

Я увидел понимание на ее красивом лице, когда она внезапно поняла, о чем я говорю.

— Доверие... оно ушло навсегда, не так ли?

Я кивнул.

— Боюсь, что да, Шери. Я всегда буду сомневаться.

Она смотрела на место на столе и выглядела так, будто была за миллион километров, когда сделала глоток кофе. Я предположил, что она пытается придумать способ восстановить доверие, но знал, что она не сможет. Спустя долгое время она пришла к такому же выводу. Когда она снова посмотрела на меня, на ее лице было принятие.

— Ты прав насчет первой любви, — сказала она с грустью в голосе. — Я тоже всегда буду любить тебя, и мне очень, очень жаль, что я уничтожила то, что у нас было.

— Мне тоже, Шери. Поверь, если бы был способ исправить это...

— Я знаю, — сказала она, прерывая меня, — ты сделал бы это в мгновение ока... я тоже.

Честно говоря, я действительно не думала, что ты вернешься ко мне, но попытаться стоило. Я удивлена, что ты не сказал мне, что есть кто-то еще. Я действительно думала, что ты меня пристрелишь, когда я была здесь на днях. Когда ты этого не сделал, я вознамерилась попробовать, но в глубине души знала, что это долгий путь.

Она замолчала на минуту и с улыбкой посмотрела на меня.

— Знаешь, я ведь действительно люблю тебя.

Я подумал о том, чтобы сказать что-нибудь гадкое, вроде того, что, мол, недостаточно, чтобы оставаться верной, но сразу же отказался от этой мысли. Она искренне раскаивалась. Я видел это в ее глазах. Я был уверен, что она какое-то время ругала себя, а я не пинаю людей, когда они падают.

— Как насчет тебя? — спросил я ее. — Кто-нибудь ждет своего часа?

— Нет, я сосредоточилась на том, чтобы привести свою голову в порядок. Мне потребовался почти год, чтобы осознать, от чего я отказалась. С тех пор я работала над тем, чтобы снова стать таким человеком, которого ты бы мог любить.

— Мне очень жаль, Шери.

— Я знаю, Дилан. Тебе не требуется это говорить. Я причинила глубокую боль. Ты не можешь помочь своим чувствам. Иногда любви просто недостаточно, — сказала она, на этот раз заставив себя улыбнуться. — Мы оба молодые, симпатичные, успешные люди, я уверена, что каждый из нас когда-нибудь найдет кого-нибудь. Думаю, мне лучше снова начать заниматься этим, я до сих пор держалась довольно близко к дому.

— Я желаю тебе удачи, Шери, правда.

— Спасибо, Дилан, тебе тоже, — сказала она с еще одной улыбкой. — Ну, мне лучше идти. В эти дни родители обычно ложатся спать довольно рано, и я не хочу их будить.

Она допила последний глоток кофе и встала. Я проводил ее до двери и открыл ее, когда она повернулась ко мне.

— Один последний поцелуй, ради старых времен?

Я обнял ее и притянул к себе для еще одного долгого страстного поцелуя. У нас обоих были слезы на глазах, когда она шла к своей машине. Незадолго до того, как войти в нее, она повернулась и беззвучно произнесла: «Я люблю тебя», — прежде чем послать мне воздушный поцелуй. Я снова почувствовал одиночество, глядя, как она уезжает.

Ложиться спать было еще рано, поэтому я налил себе еще одну чашку кофе и прижался к своему креслу с бумагой Микки Спиллейна. Через несколько минут я обнаружил, что все еще работаю с первым абзацем. Я думал о Марии и даже не осознавал этого.

Я был рад, что у Шери хватило смелости попросить о примирении. После развода я всегда чувствовал, что что-то не доделано. Я думаю, что подсознательно я всегда был немного неуверен в своем решении расторгнуть брак. Я был явно зол и даже не думал о психологической помощи. Со временем, когда гнев рассеялся, закрались сомнения. Сидя там, я наконец почувствовал себя комфортно. Я чувствовал, что действительно могу двигаться дальше, но правда ли, что Мария была подходящей женщиной, или я прыгал со сковороды в огонь?

Я всегда пытался придумать причины, чтобы вывести ее на всеобщее обозрение, делая это не слишком очевидным. На следующей неделе у Сабрины был день рождения. Я подумывал отвезти ее в Кидди Лэнд. Это был круглогодичный парк развлечений для маленьких детей. Там были всевозможные аттракционы, но ничего особенного. Конечно, была сладкая вата, игры с шариками для пинг-понга и всякая атрибутика.

Я боялся, что это может быть слишком быстро. В отличие от парка, Кидди Лэнд всегда был полон людской массы. Прежде чем ехать туда, я позвонил и поговорил с Анжелой. Я не хотел ничего говорить при Сабрине, заставляя Марию чувствовать, что ее принуждают к чему-то, к

чему она не была готова. Анджела сказала, что поговорит с ней, после того как уложит Сабрину в постель, и посмотрит, какой ответ получит.

Я заехал на следующий день, и почти сразу заметил, что Мария нервничает больше чем обычно. Мы втроем сидели за столом и разговаривали, когда она сказала:

— Дилан, я так понимаю, ты хочешь на день рождения Сабрины отвезти нас в Кидди Лэнд.

— Только если ты думаешь, что готова, Мария. Я не хочу, чтобы ты чувствовал, что на тебя оказывают какое-либо давление. У меня есть для нее несколько подарков, и я могу прийти и устроить небольшую интимную вечеринку прямо здесь, если ты предпочитаешь сделать это.

Мария молчала несколько мгновений, обдумывая это.

— Я знаю, что ей это понравится. Я думала, чтобы с тобой поехали только она и мама, но она будет разочарована, если меня там не будет. — Ей потребовалось еще несколько секунд, чтобы в последний раз собраться с духом. — Ты ведь будешь с нами, верно?

— Я все время буду рядом с тобой, — заверил я ее.

Это была нервная, но, тем не менее, улыбка.

— Она — в своей комнате.

— Я позову ее, — предложила Анджела. Она вскочила со стула и пошла по коридору в комнату Сабрины прежде, чем Мария успела передумать. — Милая, мистер МакГенри хочет тебе кое-что сказать.

Маленькие яркие глазки выбежали прямо ко мне. Она уже обняла и поцеловала меня в щеку, когда я вошел, но затем удалилась в свою комнату, чтобы поиграть с некоторыми игрушками, которые я ей подарил. Конечно, каждый раз, когда я приходил с подарками, Анджела и Мария ругали меня за то, что я ее балую.

— Сабрина, ты знаешь, какой сегодня день в следующую пятницу?

Ее глаза расширились вместе с улыбкой.

— У меня день рождения, — с энтузиазмом призналась она. — Мне... мне будет шесть лет, — сказала она, показывая мне все пять пальцев правой руки и указательный палец другой.

— Верно, юная леди. Вы уже почти выросли, — пошутил я.

Она гордо захихикала.

— А ты знаешь, где такие молодые леди, как ты, обычно празднуют? — Она покачала головой. — Ты знаешь, что такое Кидди Лэнд?

Думаю, она знала, потому что ее глаза стали размером с блюдца, когда она быстро кивнула. Меня наградили еще одним поцелуем в щеку, прежде чем она обратила свое внимание на свою мать. Внезапно она забеспокоилась.

— Мамочка, а ты поедешь с нами?

— Да, дорогая, поеду.

Сабрина подошла к матери и забралась к ней на колени. Она обняла ее за шею.

— Я люблю тебя, мамочка.

Со своего места я мог видеть гордость, которую эти двое испытывали по отношению друг к другу. Мария гордилась также и собой, и это правильно. Она побеждала свои страхи и сближалась с дочерью. Она обняла свою маленькую девочку и прижала ее, широко улыбаясь мне.

Позже той ночью я еще подумал о том, что сказала моя мать. Я начал задаваться вопросом, как отличить любовь от благодарности? Конечно, я мог понять, как Мария благодарна за все, что я сделал, но разве это мама видела в ее глазах?

Пару дней спустя я забрал свою вторую семью, и мы все направились в Кидди Лэнд. Я взял свой фотоаппарат на хронологическое мероприятие. Пока мы гуляли, Сабрина находилась между мной и мамой, держа нас за руки. Анджела была по другую сторону от Марии, поэтому она чувствовала себя защищенной. Мы все по очереди сопровождали именинницу на аттракционах, даже ее мать. Думаю, я разменял около двадцати долларов на четвертаки, прежде чем Сабрина выиграла пластиковую утку, бросая мячи для пинг-понга в группу чашек. Она выбила только два из трех, но думаю, что парень за прилавком пожалел ее... или меня.

Это был целый день, и почти единственным человеком, который не утомился в конце, была сама именинница. По настоянию трех особенных дам я остался на ужин, так что, к тому времени, когда я вернулся домой, было уже после восьми часов. Я нагрел наполовину полный чайник на плите и откинулся назад, думая о сегодняшнем дне. Я был искренне поражен тем, насколько хорошо Мария со всем справилась. Я видел, как она пару раз уклонялась от парня, но она действительно была намного увереннее среди людей, чем когда я зашел в первый раз. Анджела ничего не говорила, но я знаю, что она тоже это заметила.

На следующей неделе я был занят на работе, и у меня не было возможности поехать к ним. Однажды вечером, когда я вернулся домой, было почти восемь. Я нагрел пару хот-догов на ужин, когда зазвонил мой телефон. Это была Анджела.

— Привет, Дилан, я хотела позвонить тебе как можно скорее, пока у меня есть возможность. Мария с Сабриной в своей комнате, и я не хочу, чтобы она меня слышала, поэтому я должна говорить тихо. Я просто хотела сказать тебе, что Мария пошла сегодня по магазинам с Сабриной и мной. Я видела, что у Сирз была скидка в пятьдесят процентов на детские зимние куртки, а Сабрина выросла из своей в прошлом году, и скоро ей понадобится еще одна, поэтому я сказала Марии, что собираюсь взять ее за покупками. Я не могла поверить в это, когда она вызвалась пойти с ней. Дилан, это — чудо, и все из-за тебя. Я не думаю, что кто-то из нас когда-либо сможет достаточно отблагодарить тебя.

Похоже, она плакала, заканчивая.

— Анджела, поверь мне, это заслуга Марии. Она так много работала. Как там она? Я имею в виду, никто ее ничем не беспокоил, не так ли?

— Нет, все было хорошо. Через пару недель Сабрина пойдет в первый класс. Мне еще нужно купить ей кое-что для школы. Я надеюсь, что Мария снова поедет с нами.

Анжела понизила голос:

— Я слышу, как они идут, Дилан. Мне пора идти. Еще раз спасибо. — После этого телефон отключился.

Когда я сидел за столом и ел свой хот-догов и картофельные чипсы, то думал о том, как приятно иметь возможность помочь кому-то в этом роде. Меня поразило, что если бы я все еще был женат, я бы никогда не смог этого сделать. Как бы ни ужасно было для меня потерять любовь всей моей жизни, из этого все же вышло добро. «Удивительно, что кое-что получается», — подумал я.

В течение следующих двух недель Мария добилась еще большего прогресса. Она и впрямь пошла с матерью и дочерью за школьными принадлежностями, фактически, она ходила с ними почти каждый раз, когда им приходилось выходить из дома.

Первый день в школе — большой день для любого ребенка. Я все еще помню свой. Папа и мама привели меня в школу и раздавали карандаши всем детям. Когда Сабрина спросила, не могу ли я прийти в ее первый день, я ухватился за этот шанс. Я работал в позднюю смену, поэтому все утро был свободен. Сабрина стояла между мной и Марией, держась за наши руки, когда мы вошли в класс. Ее учительница совершила очевидную ошибку, решив, что я — ее отец. Когда ее никто не поправил, я тоже не стал. Моя грудь распухла от гордости.

Пару недель спустя я ужинал в воскресенье со своими родителями. Как обычно, после еды мы вышли и сели в гостиную. Это заняло у меня некоторое время, но я, наконец, заметил какие-то странные взгляды между мамой и папой. Я понял, что что-то не так, и подумал, что легче будет узнать это от мамы, поэтому направил свой вопрос ей:

— Итак, в чем дело?

Я услышал, как мой отец усмехнулся, когда ее Преосвященство положила руки себе на колени и выпрямила спину. Это был верный признак того, что она что-то скрывает.

— Мы не должны ничего говорить, — пробормотала она. — С таким же успехом ты можешь выплеснуть все, милая. Я же знаю, что ты умираешь от желания рассказать ему, — сказал ей отец.

Мама посмотрела на папу, потом на меня, потом снова на него, потом снова на меня.

— Ты разговаривал с Марией в последнее время?

— Ну, не в течение нескольких дней, а что: Ничего не произошло, не так ли?

— Нет, она звонила сюда. Она пыталась выкачать из меня информацию.

— Пыталась? — рассмеялся мой папа. — Ты рассказала ей все, что она хотела знать, а потом и еще немного.

Теперь мне стало действительно любопытно.

— Информация о чем?

Мама посмотрела на меня как на дурака.

— О тебе, конечно. Я недавно говорила, что она влюблена в тебя. Похоже, Шери навсегда ушла из поля зрения, так что, мне интересно, почему ты так долго с Марией. Она спросила, нет ли у меня каких-нибудь предложений, чтобы заставить тебя взять и пригласить ее на свидание?

Я не знал, как на это реагировать. Какое-то время я боролся с этим предметом, но не был уверен, что мне нравится идея, когда моя мать рассказывала обо мне другим, особенно тем, к кому у меня есть чувства. «Тем не менее», — подумал я, — «быть может, это хорошая возможность обсудить с ними свои мысли». Мы немного говорили об этом за несколько месяцев до этого, но не стали вдаваться в подробности.

— Мама, я знаю, ты думаешь, что она испытывает ко мне чувства, но я полагаю, что есть хороший шанс, что это может быть просто благодарность. Я много читал о фобиях, прежде чем даже подумал о том, чтобы попытаться помочь ей, и все говорили об этом. Часто у пациента возникают чувства к терапевту. Это называется переносом. Это не настоящая любовь. Мария чувствует себя в большей безопасности, когда я с ней. Она может любить это чувство больше, чем меня. Во всех книгах говорится об этических обязанностях терапевта не пользоваться такой ситуацией.

Когда я закончил, в комнате стало тихо. Я знаю, что думали и папа, и мама. Я думал, что папа будет предлагать жемчужины мудрости, но заговорила мама:

— Я могу понять, почему профессиональный терапевт несет этическое обязательство

отвергать влюбленного в него пациента, но ты — не профессиональный терапевт, а Мария для тебя — больше чем пациент. Как ты когда-нибудь узнаешь, действительно ли она любит тебя или нет, если хотя бы не дашь ей шанс?

— Но могу ли я знать, настоящие ее чувства или нет? Как ты сказала, я — не профессионал.

— Ты узнаешь, — сказал отец, вмешиваясь в разговор. — Кроме того, торопиться некуда. Не торопитесь, познакомьтесь друг с другом. Может быть, ты прав, но ты никогда не простишь себя, если не приложишь усилий, чтобы узнать, так это или иначе.

Конечно, папа был прав, я бы точно ненавидел оглядываться назад через пару лет и задаваться вопросом, позволил ли я тому что было уйти. Было почти три часа ночи, когда я решил пригласить ее на свидание и, наконец, заснул.

Из посещений и разговоров я узнал некоторые из ее симпатий и антипатий, но у них никогда не было денег ни на что, кроме предметов первой необходимости, поэтому она сделала немного. Она была в театре лишь однажды маленькой девочкой. У одной из ее подруг был день рождения, поэтому родители взяли ее и пять или шесть ее подруг на просмотр мультфильма Диснея. Мария все рассказывала о том, насколько большой был экран. У них в доме был маленький черно-белый телевизор, поэтому я подумал, что ей, возможно, понравится снова пойти на спектакль. Я просмотрел газету и увидел, что в «Палас» играется комедия Боба Хоупа с Элке Соммер. Я знал, что ей нравится Боб Хоуп, и не возражал бы посмотреть Соммера.

Может, она просто была очень храброй, но в театре Мария не показывала никаких признаков страха. Поворачивала голову и принимала поцелуи в щеку. Мы пробыли там еще с полчаса, но оба очень хотели, чтобы Новый год прошел как следует. Когда мы начали прощаться, Мария получила несколько приглашений на обед с девочками, а многие мои приятели хлопали меня по плечу со словами «ай да молодец!». Когда мы вышли на улицу, Марию увлекла встретившая нас зимняя страна чудес. Мы не осознавали, что уже какое-то время, должно быть, шел снег. Покрытые белым пушистыми деревья и ветви делали все похожим на открытку от Каррьер и Айв.

Мария взяла меня за руку и положила голову мне на плечо.

— О, Дилан, посмотри сюда. Это так красиво.

— Это действительно так, — подтвердил я.

— Как далеко твоя квартира?

— Недалеко, шесть-семь кварталов.

— В самом деле? — спросила она, глядя на меня. — Как ты думаешь, мы не могли бы пройти туда пенком? А твою Мы машину можно завтра и завтра.

Мой Камаро стоял на стоянке у жилого комплекса вместе с сотней других машин, так что, меня это не волновало.

— Я думаю, что это отличная идея, — сказал я.

Мы прошли всего квартал или около того, когда Мария запела:

Я о белом Рождестве мечтаю...

Таким, как я обычно знал!

И тут присоединился я:

Где деревья искрятся,

Дети в санях резвятся...

Слыша их бубенцов хорал!

К тому времени, как мы подошли к моей двери, мы спели хором «Белое Рождество», «Джингл Беллс» и «Бэйби, итс колд аутсайд», или, по крайней мере, столько, сколько смогли вспомнить из всего этого.

Несмотря на то, что мы наслаждались прогулкой, теплый воздух моей квартиры был очень уместен. Я помог Марии снять пальто и повесил его в шкаф вместе со своим. Она села на диван, а я подошел к своей коллекции пластинок и запустил свой рождественский альбом Синатра, а затем положил сверху еще три пластинки с хитами, обеспечив нам около девяноста минут удовольствия от прослушивания.

Настал момент истины. Я встал перед ней и протянул руку. На ее лице было безошибочно нервное предвкушение, когда она позволила мне помочь ей встать. Я продолжал держать ее за руку, ведя в свою спальню. Она прижалась ко мне, когда я ее обнял, и год желания этой женщины с моей стороны вылился в один долгий страстный поцелуй.

Будучи максимально мягким и нежным, я продолжал целовать ее шею, шагая позади нее. Она закрыла глаза и запрокинула голову, а я потянулся и начал расстегивать пуговицы ее блузки. Я провел руками по мягкой коже ее рук, когда одежда упала на пол. Я чувствовал стук ее сердца, медленно раздевая ее. Я улыбался, глядя на ее румянец, когда она стояла передо мной в своем праздничном костюме. Несмотря на тяжелую жизнь, которую она пережила, Мария была прекрасна, как любая принцесса в любой сказке.

Она застенчиво скользнула под одеяло, а я быстро разделся. Мой член был уже тверд как скала, и Мария ухмыльнулась, увидев его, когда я спустил шорты. Она закрыла глаза и почти сразу начала глубоко дышать, когда я начал исследовать ее тело. Я почувствовал, как она охнула, когда мои губы впервые нашли ее сосок. К тому времени, как я перебрался к другому, ох превратился в стон.

Я чувствовал ее действия повсюду вокруг себя, пока передвигался вниз. Я чувствовал, как ее голова вертится из стороны в сторону, выгибается спина, а руки хватаются за одеяло.

Добравшись до места назначения, я просунул руки под ее тугую попу и осторожно приподнял ее для лучшего угла. Внезапно Мария испуганно вскрикнула от прикосновения моего языка.

— Ди... Дилан, что... что ты делаешь?

Мне пришло в голову, что ее киску никогда не лизали.

— Расслабься, милая, — заверил я ее. — Просто лежи и наслаждайся. — Я думаю, это нормально, что в такое время проявляются ласки. Не прошло много времени, как она громко стонала при каждом движении моего языка. Когда я всосал ее клитор, то подумал, что мне придется сдергивать ее с потолка...

Я насчитал три оргазма, но было трудно сказать, потому что она плавно перетекала от одного к другому. Мой член был напряжен так сильно, что ощущалась боль. Я вошел в нее, но все равно не торопился.

— Ой-ой-ой... да... — простонала она. — О, Боже...

Я продержался столько, сколько мог, но неизбежность приближалась к извержению.

Внезапно я подумал об одной маленькой детали...

— Мария, ты принимаешь таблетки?

Ее утвердительный ответ пришел за несколько секунд до того, как я взорвался внутри нее. В тот же момент ее тело дико дернулось, взлетев над кроватью, когда она кончила опять, на этот раз еще сильнее... Я держался над ней, поскольку каждый мускул в моем теле был натянут,

как струна... Наконец, я рухнул рядом с ее тяжело дышащим телом. Ни один из нас пару минут не мог говорить.

Я все еще расслаблялся, когда почувствовал, что кровать сдвинулась. Я оглянулся и увидел, что Мария отвернулась от меня. Она изо всех сил пыталась подавить это, но я мог видеть, что она плачет. Я был уверен, что секс вызвал ужасный опыт из ее прошлого, но понятия не имел, что сказать или сделать. Я не был уверен, стоит ли мне ее трогать. Я чувствовал себя дерьмом. Наконец, я перекатился на бок и слегка коснулся ее плеча. Она сразу же повернулась ко мне и уткнулась головой мне в грудь. Я почувствовал на своей коже ее слезы.

Я просто обнимал ее с минуту и собирался заверить, что все будет хорошо, когда она тихо заговорила между всхлипываниями:

— Так ведь оно и должно быть, не так ли?

— Что? — Я не был уверен, что правильно ее расслышал.

— Так и должно быть, я имею в виду такую нежность... любовь. Это было самое чудесное, что когда-либо случилось со мной.

Должно быть, она почувствовала мое облегчение. Думаю, все мое тело расслабилось.

— Томми, отец Сабрины, никогда не делал ничего подобного. Он просто сплевывал на меня...

— Сплевывал на тебя? — чуть не закричал я от ужаса.

— Да, ну, знаешь, там, внизу, чтобы было легче войти. Он в значительной степени просто вставлял его, когда ему хотелось, а затем бился в меня, пока не кончал.

— Был ли он твоим единственным сексуальным партнером? Разумеется, с тех пор у тебя были и другие?

— Нет, он был единственным. Моя мама хотела, чтобы я какое-то время гуляла с другими мальчиками, но никто не хотел встречаться с девушкой с ребенком. Мы обе сдались через некоторое время, и я просто сосредоточилась на воспитании Сабрины. Тогда... в тот... ужасный день...

Я знал, о чем она говорила.

— Не думай об этом, Мария. Все кончено, и ты выжила. Теперь пора заглянуть в будущее и наполнить оставшуюся жизнь только счастьем.

Она посмотрела мне в глаза с широкой улыбкой, затем еще сильнее прижалась ко мне. Это было печальное напоминание о том, как Шери делала то же самое. Я боролся, чтобы выбросить эти мысли из головы. Я собирался спросить, не готова ли она ко второму раунду, но понял, что она заснула. Пришлось лишь улыбнуться. «Наверное, это я ее измотал», — с гордостью подумал я.

На следующее утро я поставил будильник на семь. У нормальных людей был новогодний выходной... но не у фотокорреспондентов. Мария пошевелилась, но не проснулась полностью от будильника, поэтому я осторожно встал с постели и принял душ. На самом деле ее поднял запах кофе и яиц с беконом. Она присоединилась ко мне на кухне.

— Мне очень жаль. Я заснула на тебе прошлой ночью.

— Не сожалей, ты прекрасна, когда спишь.

— Что ты запланировал на сегодня?

— Я должен идти работать.

— Работать! Сегодня? В Новый год.

— Ага, это означает новогодние гуляния. Ну, знаешь, все те картинки, что ты видишь в газете на следующий день... понимаешь... — сказал я с улыбкой.

Она задумалась на секунду.

— Не могу ли я пойти с тобой?

— Ну, можешь, — сказал я, подавая ей яичницу с беконом, — но сомневаюсь, что тебе это будет очень интересно. Я просто как можно ближе подъезжаю к месту гуляний, паркую машину, выпрыгиваю, делаю несколько снимков, затем переезжаю к следующему. После этого мне требуется заняться бумажной работой, проявить пленку и сделать распечатки, чтобы к завтрашнему дню все было готово.

— Я с удовольствием поеду с тобой, если не возражаешь. Я никогда раньше не видела фотографа за работой.

— Лично я не против, но тебе лучше позвонить своей маме и дать ей знать.

Мария следила за каждым моим шагом, как на съемках, так и в темной комнате. Это был всего лишь четырехчасовой рабочий день, так что, к полудню я привез ее домой. Сабрина встретила нас у двери, а Анджела уговорила меня остаться на ужин. Было около семи, когда Мария вывела меня на улицу и очень страстно поцеловала, когда я уходил.

После этого мы начали встречаться, страстно. За восемь месяцев у нас не было ни единой размолвки. В сексуальном плане Марии требовалось наверстать упущенное, но она была более чем готова, что быстро и поняла.

Не было никаких остаточных страхов или проблем из ее прошлого, и я больше не сомневался, что Мария сможет справиться с собой в любой ситуации.

Я неделю носил в кармане кольцо, пока не нашел подходящее время и место. Она зарыдала, как ребенок, когда я надел ей его на палец. Мы дождались следующей весны и поженились в последнюю субботу апреля. Сабрина, конечно же, была нашей девочкой, держащей букет.

Около тридцати наших ближайших друзей и членов семьи наблюдали, как тот же пастор, что венчал моих родителей, объявляет нас мужем и женой. Когда я поцеловал свою прекрасную невесту, мы услышали смех наших гостей. Мы оба посмотрели на взволнованную девочку, бегущую к нам. Она остановилась перед своей матерью и поманила пальцем, выдав свое желание тихо задать вопрос. Мария наклонилась, чтобы Сабрина смогла прошептать ей на ухо.

Никто не слышал вопроса Сабрины, но Мария говорила так, чтобы могли услышать все.

— Я думаю, тебе стоит спросить об этом его, дорогая, — ответила она.

Сабрина повернулась лицом ко мне.

— Мистер МакГенри, могу я теперь называть вас папой?

Это уже был эмоциональный день. Когда я посмотрел на это ангельское лицо, то почувствовал, как по моим щекам текут слезы. Я поднял ее на руки, в то время как наши гости смеялись.

— Конечно, можешь, дорогая.

Она улыбнулась, обняла меня за шею и крепко поцеловала в щеку, прежде чем взглянуть на наших гостей.

— Он — мой папа, — сказала она всем.

Все еще держа Сабрину одной рукой, я протянул вторую своей невесте, и мы вместе пошли по проходу к фасаду церкви под звуки оваций стоя.

В то время как мы проводили медовый месяц на острове Сент-Томас на Виргинских островах,

о Сабрине заботилась Анджела. На обратном пути Мария думала о жилищных условиях. — Дорогой, где мы будем жить? Я просто подумала об этом. В твоей квартире всего одна спальня. Я... я не думаю, что ты собираешься жить с моей матерью, правда? Но я терпеть не могу оставить ее одну.

Мне было интересно, когда она подумает об этом. Чего она не знала, так это моего отца, и того, что я уже работал над этой проблемой. В качестве подарка на свадьбу папа подарил нам первый взнос за домик недалеко от него и мамы. Он был всего-навсего с двумя спальнями, и в нем требовалось немного поработать, но у него была хорошая квартира над гаражом. В него было два входа, один находился сбоку от гаража и имел несколько ступенек, а другой выходил на кухню и имел всего четыре ступеньки для перехода.

Папа спросил Анжелу, что она думает о продаже своего дома. Поскольку она жила там со своим мужем, мы с папой не были уверены, что она захочет переехать, и были слегка удивлены, когда она сказала, что не может дождаться момента, когда выберется из этого района.

Мы с папой работали, чтобы привести дом в порядок, и он помогал Анжеле осознать себя «тещей», пока мы с Марией были в свадебном путешествии. Конечно, я про все это молчал. Когда она спросила о будущем проживании, я просто улыбнулся и сказал ей, чтобы она не волновалась, мы что-нибудь придумаем.

Никогда не забуду выражение ее лица, когда я перенес ее через порог. Внутри были Сабрина и наши родители, чтобы поприветствовать нас самой широкой улыбкой, которую мы когда-либо видели.

Жизнь хороша. Анджела любит свою квартиру и наслаждается тишиной и покоем, зная, что может навещать свою семью в любое время, когда захочет. Я начал процесс усыновления Сабрины, и мы с Марией уже говорили о том, чтобы очень скоро подарить ей младшего брата или сестру. Папа уже все проверил и говорит, что будет легко пристроить еще одну спальню.

Иногда я вспоминаю тот день, когда сидел на краю кровати, глядя в дуло пистолета. Я хорошо помню, как верил, что моя жизнь окончена, и почему бы просто не положить конец боли. Если бы не маленькая девочка, что обхватила мои ноги для защиты, кто знает, что бы случилось?